

Bussetti

Книги Екатерины Вильмонт:

- Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры.
- Полоса везения, или Все мужики козлы.
- Три полурации, или Немного о любви в конце тысячелетия.
- Хочу бабу на роликах!
- Плевать на все с гигантской секвойи. Умер-шмумер.
- Нашла себе блондина!
- Проверим на вшивость господина адвоката.
- перевозбуждение примитивной личности.
- Курица в полете.
- Здравствуй, груздь!
- Гормон счастья и прочие глупости.
- Бред сивого кобеля.
- Зеленые холмы Калифорнии. Кино и немцы.
- Два зайца, три сосны.
- Фиг с ним, с мавром! Зюзюка, или Как важно быть рыжей.
- Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна.
- Подсолнухи зимой (Крутая дамочка-2).
- Зюзюка и другие (Сб.: Зюзюка, или Как важно быть рыжей; Зеленые холмы Калифорнии; Кино и немцы!).
- Дети галактики, или Чепуха на постном масле.
- Цыц!
- Девственная селедка.
- Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона!
- Артистка, блин!
- Танцы с Варешкой.
- Девочка с перчиками.
- Шалый малый.
- Трепетный трепач.
- Прощайте, колибри, Хочу к воробьям!
- У меня живет жирафа.
- Черт-те что и с боку бантик.
- Интеллигент и две Риты.
- Со всей дури!
- Фиг ли нам, красивым дамам!
- Сплошная лебедянь!
- А я дура пятая!
- Вафли по-шпионски.
- Шпионы тоже лохи.
- Дама из сугроба.
- Мужлан и флейтистка.
- Свои погремушки.
- Птицы его жизни.
- Рыжий доктор.

Екатерина
Кульков
Сплошная лебедянь!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — Екатерина Фerez

Вильмонт, Екатерина Николаевна.
В46 **Сплошная лебедянь!** / Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-107641-2

Казалось бы, в жизни Ярославлы все плохо - ушла от мужа, мать выгнала ее на улицу, но героиня находит в себе силы радоваться жизни. И судьба благоволит ей.

Случайная встреча, которая поначалу только пугает ее, перевернет всю ее жизнь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107641-2

© Вильмонт Е.Н., наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Погода была отвратительная. Снег с дождем, слякоть, ледяной ветер. И пробки, пробки, будь они прокляты! Хотелось скорее попасть домой, но пробка на Садовом кольце казалась безнадежной. Тут, у Курского вокзала, пробки всегда какие-то безнадежные. И чего я поехал на машине? Не развалился бы и в метро спуститься. Нет, все-таки, наверное, развалился бы, сам себе со смехом сказал Иван Алексеевич. Страшно хотелось есть. Сегодня из-за совещания с партнерами не удалось пообедать. От этого настроение было еще хуже. Что за жизнь у меня дурацкая? Скоро полтинник, а я один как перст. Дома никто не ждет. То, что всегда казалось ему большой удачей, выигрышем в жизни, вдруг стало тяготить. Он включил радио. Новости одна кошмарнее другой... Опять террористы где-то что-то взорвали... Опять... Не хочу! Он поменял

станцию. «Почему да отчего на глазах слезинки, это просто ничего, по любви поминки...» — пел прелестный женский голос с сильным акцентом. Дина Дурбин! Он вдруг обрадовался. Как хорошо! У него была большая коллекция дисков со старыми фильмами. Он обожал Дину Дурбин. Вот доберусь до дома, согрею ужин, приготовленный домработницей Полиной Яковлевной, и посмотрю «Сестру его дворецкого»! Именно там Дина Дурбин волшебным образом поет попурри из русских песен и романсов.

— Это просто ничего, по любви поминки... — напел он.

Да нет никакой любви. У меня нет. И не было. Всю жизнь скакал по красивым белокурым девочкам. И все как-то легко, без драм и трагедий. И слава богу! В этот момент позвонила сестра. Она живет в Новосибирске.

— Ванечка, я завтра прилетаю в Москву. Сможешь встретить?

— В котором часу? — деловито осведомился он.

— По расписанию в одиннадцать тридцать, но погода...

— Ох, грехи наши тяжкие. Нет, Лиза, сам не смогу, пришлю водителя. Надеюсь, остановишься у меня?

- А я не помешаю твоим шалостям?
- Да какие там шалости, смех один! Ключи у тебя есть. Как вы там все? Я соскучился!
- Все расскажу при встрече.
- Ты в командировку?
- Конечно, но на работе предупредила, что задержусь у любимого брата. Билетики мне достань...
- А ты куда хочешь?
- Ну, что там у вас самое модное?
- Ох, боюсь, самое модное тебе не понравится.
- Над классикой издеваются? Нет, это не хочу!
- Ладно, я посоветуюсь с понимающими людьми. Ох, Лиза, я так рад, что ты приедешь! Посидим, поболтаем...
- Пельменями тебя накормлю!
- Это не обязательно, сестра. Жаль, сам не смогу встретить. График кошмарный, вздохнуть некогда.
- А как там Глеб?
- Цветет и пахнет! Хотя сейчас кризис и нам всем достается. Ладно, Лиза, мне звонят по другому телефону. Все, до встречи!
- Ему действительно звонили. Выяснилось, что ведущий одной из новостных программ в

пьяном виде сбил человека, его забрали в полицию, срываются все завтрашние выпуски и вообще настал конец света. И спасти канал может только Иван Алексеевич Верещагин.

— В таком случае, вызывайте Кнурова, а я отмазывать этого пьяного идиота не буду. Сбил человека — изволь отвечать, — жестко бросил в трубку Верещагин.

— Но Кнуров же неопытный, а Малеванного обожает публика. И потом у него мать при смерти... ее это убьет...

— Он насмерть сбил человека?

— Да нет же... Иван Алексеевич, — рыдала женщина в трубке, — умоляю вас, вытащите его хотя бы до суда...

— А почему вы мне звоните? Направьте туда юристов...

— Иван Алексеевич, лучше вас это никто не сделает! Поезжайте туда, а Елифанова я подожлю. Только ради его матери...

И ради тебя, старой дуры, — выругался про себя Верещагин. Все знали, что Мария Валерьяновна влюблена в Малеванного.

— О господи! За что? — проворчал Иван Алексеевич. — Ладно, в каком он отделении? Ради его матушки попробую его вытащить, но

от эфира на месяц отстраняю. И лучше пришлите не Елифанова, а Зарецкую. На ментов она уж точно произведет впечатление.

— Спасибо, спасибо вам огромное, Иван Алексеевич!

— Но моя смерть от голода будет на вашей совести.

Черт бы их всех побрал! Он представил себе разговор с ментами, которых хлебом не корми, дай отыгаться на известном человеке. Впрочем, так Малеванному и надо. Обнаглел совсем, скотина...

К счастью, пробка рассосалась, но вместо того, чтобы ехать домой, он развернулся и покатил по указанному Марией Валерьяновной адресу. И хорошо, что у меня нет жены, кому какое дело, когда я вернусь сегодня домой... — вдруг обрадовался он. Но есть хотелось страшно. Он подъехал к ближайшей «Азбуке вкуса», поставил машину на аварийку, схватил в магазине упаковку пирожков с мясом и бегом вернулся в машину. Вся операция заняла от силы три минуты. Вкусно, однако, и уж точно не отравишься. Пирожки были совсем свеженькие, и как будто домашние. Умяв три пирожка, он запил их водой. Ладно, пора ехать!

...В результате домой он попал только в половине второго ночи. Сил не было вообще. Он рухнул на диван в гостиной и в который уж раз порадовался тому, что не женат. И, не раздеваясь, уснул на диване.

Конечно, утром болела голова, вид был кошмарный, времени заехать в бассейн уже не было. Черт бы побрал этого пьяного кретина! Там все оказалось не так уж страшно, человек, которого он сбил, пострадал минимально, и если бы не пьяная наглость Малеванного, все могло бы закончиться куда быстрее. Но он обхамил полицейских, с одним даже полез было в драку, и если бы не красота юриста Вали Зарецкой и не дипломатические таланты самого Ивана Алексеевича, Малеванный мог бы схлопотать себе вполне реальный срок.

Едва он сел в машину, как позвонил Глеб, старый друг и генеральный продюсер канала.

— Вань, что там за хрень с Малеванным?

— Да козел он конченный! Но ты не волнуйся, я все уладил. И отстранил его на месяц от эфира. Попробуем Васю Стрижака и если потянет, уволим Малеванного к чертям.

— Не возражаю!

— Вот и славно, Глебушка. Сегодня прилетает Лиза.

— Да? Это здорово! Может, привезешь ее к нам в субботу?

— Да с удовольствием. Она о тебе спрашивала.

— Вот и славно! А я предупрежу Наташку.

День, как всегда, был нервным, суматошным, то и дело приходилось что-то улаживать и если бы не верная секретарша Виолетта Геннадьевна, он и не вспомнил бы об обеде.

— Иван Алексеевич, уже три часа. Я, конечно, могу подать вам кофе с бутербродами, но лучше бы вам спуститься и поесть горячего. Вам нужна язва желудка?

Эта фраза действовала на него магически.

— Да, язва мне ни к чему. Ладно, спущусь.

— Идите, я вас прикрою в случае чего.

Он вдруг подумал, что второй день без горячего, это как минимум грустно. В кафе основная масса народу уже схлынула. Он заказал себе суп-пюре из шпината и телячий шницель. Его столик стоял в углу за загородкой. Это был уголок для руководства, отгороженный изящной соломенной шторкой. А отключу-ка я телефон на эти полчаса. А то ведь не дадут спокойно

поестъ. Официантка Ларочка быстро принесла ему суп и вазочку с гренками.

— Вот, Иван Алексеевич, как вы любите, прямо с огня!

— Спасибо, Ларочка!

— Приятного аппетита!

Суп был действительно обжигающе горячим, как он любил. Ах, хорошо... А вечером увижу Лизу... Он обожал старшую сестру, которая его вырастила. Их родители рано умерли и Лиза заменила ему мать, она была старше на семь лет. А он после школы уехал в Москву, и пустился в самостоятельную жизнь. Но поскольку голова у него всегда была на месте, к тому же он был очень способен к учению, все хватал на лету, то его легко приняли в институт стали и сплавов, где он проучился только полгода, понял, что ему скучно, и пошел на факультет журналистики. Он и туда легко поступил и там ему было весело. Там он познакомился и подружился с Глебом Кузьминым, а так как начиналась уже новая эпоха, то они вдвоем затеяли какой-то мелкий бизнес, приносивший сперва совсем ерундовые деньги, но постепенно дела пошли в гору. Они оба оказались людьми нового времени. Прогорели несколько раз, но не теряли ни куража, ни уверенности в своем светлом будущем. Потом

они открыли небольшую газетку, так, никакой политики, просто информационный листок, но этот листок вдруг стал пользоваться успехом.

— Знаешь, Ванька, о чем я мечтаю? — спросил однажды Глеб.

— Знаю, брат. О телевидении. И вот что я тебе скажу! Иди!

— Куда?

— На телевидение!

— А ты?

— А я пока буду заниматься газетой. Нам же надо на что-то жить! А там посмотрим!

Они были удачливыми парнями. У Глеба на телевидении тоже все складывалось неплохо, а газета из информационного листка постепенно превращалась в солидное издание, но в один отнюдь не прекрасный день газету у них «отжали». Правда, оба уже успели обзавестись неплохими квартирами. Квартиру Ивана они сдали, он перебрался к Глебу и тоже пошел на телевидение.

— Ничего, Глебка! За двух битых целый взвод небитых дают!

И вот сегодня они совладельцы успешного телеканала «Супер». Глеб, отец двоих взрослых сыновей, не так давно женился второй раз по страстной любви. А Иван так всю жизнь и про-

жил холостяком. Веселым беспечным холостяком. Но оба были крутыми профессионалами, Глеб Витальевич был сильнее в вопросах финансов, а Иван Алексеевич слыл непревзойденным дипломатом. И они сумели сохранить дружбу. Оба свято верили в мужское братство. Никогда ни одна женщина не вставала между ними. Уж очень разные у них были вкусы.

Доедая суп, Иван Алексеевич вдруг услышал голоса из-за шторы. Говорили явно молодые девушки.

— А как тут насчет мужиков?

— Да полно!

— А холостые есть?

— Как не быть!

— Нет, я имею в виду кого-нибудь с положением, с бабками, а не сопливых ассистентов...

— У нас даже один из совладельцев канала холостой! И мужик кстати жутко интересный!

— Это кто же?

— Верещагин Иван Алексеевич.

— Сколько лет?

— Где-то под полтинник.

— Уууу, совсем старый! — разочарованно протянула девушка. — А помоложе нету?

— Да ты его хоть видела?

— Нет, а что?

— Классный мужик! Высокий, стройный, глаза зеленые, ресницы — умереть, не встать, нос с легкой горбинкой, волосы русые, пушистые...

— А он не голубой?

— С ума сошла!

— А чего ж никто его к рукам не прибрал?

— Да пытались... Без толку.

— Так, может, импотент?

— Да ты что! Девицы у него не переводятся. Но только на работе он ни с кем никогда не крутит.

Иван Алексеевич решил схулиганить. Он встал, подошел к девушкам и весело заявил:

— Это правда, на работе никогда ни с кем! Приятного аппетита, девочки!

И ушел. Девицы остались в полном ошалеении.

— Ни фиги себе! Это он и есть?

— Ага!

— И вправду интересный... Да что ты так сбледнула? Ты ж ни одного дурного слова о нем не сказала!

— Все равно... Как-то стремно...